

Георгий Иванов

ЛАМПАДА

Собрание стихотворений

Книга первая.

ПЕТРОГРАД.

1922

Георгий Иванов

ЛАМПАДА

Собрание стихотворений

Книга первая.

ПЕТРОГРАД.

1922

Отпечатано в типографии
1-й Гос. фабрики „Светоч“
1000 экземпляров.
Р. В. Ц.

I.

Из белого олонецкого камня,
Рукою кустаря трудолюбивой
Высокого и ясного искусства
Нам явлены простые образцы.

И я гляжу на них в тревоге смутной,
Как может быть грядущий математик,
В ребячестве еще не зная чисел,
В учебник геометрии глядит.

Я разлюбил созданья живописцев,
И музыка мне стала тяжким шумом,
И сон мой одолевает веки,
Когда я слушаю стихи друзей.

Но, с каждым днем сильней душа томится
Об острове зеленом Валааме,
О церкви из олонецкого камня
О ветре, соснах и волне морской.

Тонким льдом затянуты лужицы,
Словно лед, чиста синева.
Не сверкает уже, не кружится
Обессиленная листва.
В сердце нет ни тоски, ни радости,
Но покоя в нем тоже нет:
Как забыть о весенней сладости,
О сиянии прошлых лет?...

Когда светла осенняя тревога
В румянце туч и шорохе листов,
Так сладостно и просто верить в Бога,
В спокойный труд и свой домашний кров.

Уже закат, одеждами играя,
На лебедях промчался и погас.
И вечер мгlistый и листва сырая,
И сердце узнают свой тайный час.

Но не напрасно сердце холодеет:
Ведь там за дивным пурпуром богов
Одна есть сила. Всем она владеет
Холодный ветер с летейских берегов.

Цвета луны и вянущей малины —
Твои, закат и тление—твои,
Тревожит ветр пустынные долины
И, замерзая, пенятся ручьи.

И лишь порой, звеня колокольцами,
Продребезжит зеленая дуга.
И лишь порой за дальними стволами —
Собачий лай, охотничьи рога.

И снова тишь... Печально и жестоко
Безмолвствует холодная заря.
И в воздухе разносится широко
Мертвящее дыханье октября.

Вновь с тобою рядом лежа,
Я вдыхаю нежный запах
Тела, пахнущего морем
И миндальным молоком.

Вновь с тобою рядом лежа,
С легким головокруженьем
Я заглядываю в очи,
Зеленей морской воды.

Влажные целую губы,
Теплую целую кожу,
И глаза мои ослепли
В темном золоте волос.

Словно я лежу, обласкан
Рыжими лучами солнца
На морском песке, и ветер
Пахнет горьким миндалем.

Прощай, прощай, дорогая! Темнеют дальние горы.
Спокойно шумят деревья. С пастбищ идут стада.
В последний раз гляжу я в твои прозрачные взоры
Целую влажные губы, сказавшие: «навсегда».

Вот я расстанусь с тобою, влюбленный еще нежнее,
Чем в нашу первую встречу у этих белых камней.
Так же в тот вечер шумела мельница, и над нею
Колыхалась легкая сетка едва озаренных ветвей.

Но наша любовь увидит другие леса и горы,
И те же слова желанья прозвучат на чужом языке.
Уже я твердил когда-то безнадежное имя Леноры,
И ты, ломая руки, Ромео звала в тоске.

И как мы сейчас проходим дорогой, едва озаренной,
Прижавшись тесно друг к другу, уже мы когда-то шли.
И вновь тебя обниму я, еще нежнее влюбленный,
Под шорох воды и листьев на теплой груди земли.

Улыбка одна и та же,
Сухой неподвижен рот.
Такие как ты — на страже
Стоят в раю у ворот.

И только, если ресницы
Распахнутся, глянут глаза,
Кажется: реют птицы,
И где-то шумит гроза.

Благословенная прохлада,
Тосканы сумрак голубой...
Я помню кисти винограда
На блюде с древнею резьбой.

И девочки-крестьянки руки,
Что миртовый венок плела,
Слова любви, напев разлуки
И плеск размеренный весла.

Туманы с моря наплывали
И месяц розовый вставал,
И волны — берег целовали,
И берег — волнам отвечал.

Неправильный круг описала летучая мышь,
Сосновая ветка качнулась над темной рекой,
И в воздухе тонком блеснул, задевая камыш,
Серебряный камешек, брошенный детской рукой.

Я знаю, я знаю, и море на убыль идет,
Песок засыпает оазисы, сохнет река,
И в сердце пустыни когда-нибудь жизнь расцветет,
И розы вздохнут над студенной водой родника.

Но если синей в целом мире не сыщется глаз,
Как темное золото косы и губы, как мед,
Но если так сладко любить, неужели и нас
Безжалостный ветер с осенней листвой унесет.

И может быть в рокоте моря и шорохе трав
Другие влюбленные с тайной услышат тоской
О нашей любви, что погасла, на миг просияв
Серебряным камешком, брошенным детской рукой.

Черные вишни, зеленые сливы,
Желтые груши повисли в садах...
Ясною осенью будешь счастливой,
Будешь, мечтая, гулять при звездах.

Все неизменно: любимые книги,
В горнице низкой цветы на окне
И не тяжелые скуки вериги
И равнодушная память о мне.

Прошло туманное томленьё,
Все ясно — в сердце острие —
Моя любовь, мое мученье,
Изнеможение мое.

Я ничего забыть не в силах
И глаз не в силах отвести
От слабых рук, от взоров милых —
От губ мне шепчущих: «Прости».

Поймите, я смертельно болен,
Отравлен, скован навсегда.
В темнице, где лежу безволен,
Лишь Ваше имя, как звезда.

Но это горькое томленьё
Милее мне, чем светлый рай.
Когда мне скажут: «Выбирай»,
Отвергну волю и целенье,
Целуя Вам одежды край.

Я в жаркий полдень разлюбил
Природы сонной колыханье,
И ветра знойное дыханье,
И моря равнодушный пыл.

Вступив на берег меловой,
Рыбак бросает невод свой,
Кирпичной, крепкою ладонью
Пот оттирает трудовой.

Но взору, что зеленых глыб
Отливам медным внемлет праздно,
Природа юга безобразна,
Как одурь этих сонных рыб.

Прибоя белая черта,
Шар низкорослого куста,
В ведре с дымящейся водою
Последний, слабый всплеск хвоста!..

Ночь! Скоро ли поглотит мир
Твоя бессонная утроба?
Но длится полдень, зреет злоба,
И ослепителен эфир.

Над морем северным холодный запад гас,
Хоть снасти дальние еще пылали красным.
Уже звучал прибой и гальционы глас
Порывом осени холодным и ужасным.

В огромное окно с чудесной высоты
Я море наблюдал. В роскошном увяданьи,
В гармонии валов жило и пело ты,
Безумца Тернера тревожное созданье.

В тумане грозном дышалось тяжело...
Вдруг слава лунная, пробившись, озарила
Фигуру рыбака и парус, и весло,
И яростью стихий раздутое ветрило!

Зефир ночной волной целебной
Повеял снова в мир волшебный,
И одинокая звезда
Глядит, как пролетают долу,
Внимая горнему Эолу,
Туманных лебедей стада.

Не потревожит ветер влажный
Тяжелых лип дремоты важной,
Чей сумрак благосклонный скрыл
Блаженство рук переплетенных,
Биенье сердца, жар влюбленных
И тайный вздох, и нежный пыл.

Лишь моря ровное дыханье
Сквозь легкое благоуханье
Доносит свежесть сонных вод,
Да чайка вскрикнет и утихнет,
Да трубка пешехода вспыхнет
И в отдаленьи пропадет.

Но мне печальна эта нега!
Как путник, что искал ночлега
И не нашел его в пути,
Бредет с тяжелою сумою,
Так я с любовью и тоскою
О Муза, осужден идти!

Сквозь зеленеющие ветки
Скользят зеленые лучи
На занесенные ракетки
И беспокойные мячи.

О, милый Тенисс, легкий танец,
Твоя забава не груба—
Сиянье глаз и щек румянец
И легких мячиков борьба.

В азарте игроки смелеют,
Уверен каждый взмах руки,
На желтом гравии белеют
Из парусины башмаки.

Но отпарированы метко
Удары все, крепчает зной,
А отдаленная беседка
Полна прохладной тишиной.

Ах, башмаки натерты мелом,
Но башмаками ль занят ум?
Забыл наверно мальчик в белом,
Что зелень пачкает костюм.

Слова любви журчат прилежно,
Ее рука в его руке,
И солнце розовеет нежно
На милой девичьей щеке.

Италия! твое Амуры имя пишут
На вечном мраморе, концами нежных стрел,
К тебе летят сердца, тобою музы дышут,
Великих вдохновлять счастливый твой удел.

Увы, не созерцал я львов святого Марка,
Дворцов Флоренции и средиземных волн,
Тех рощ, где о земной любви вздыхал Петрарка,
Где Ариост блуждал, своих напевов полн.

Но, как отверженный к потерянному раю,
Душой к тебе стремлюсь. Мечтателей луна
Всплывает надо мной. Забывшись, повторяю
Канцоны сладкие, златые имена.

И слышу рокот лир, и голоса влюбленных,
И вижу дряхлые руины над водой,
И в черных небесах, звездами окропленных,
Великих призраки проходят чередой.

Еще горячих губ прикосновенье
Я чувствую, и в памяти еще
Рисуетя неясное виденье,
Улыбка, шарф, покатое плечо.

Но ветер нежности, печалью вея
И так успокоительно звеня,
Твердит, что мне пригрезилась Психея,
Во сне поцеловавшая меня.

Я вспоминаю влажные долины
Шотландии, зеленые холмы,
Луну и все, что вспоминаем мы,
Услышав имя нежное Алины.

Осенний парк. Средь зыбкой полутьмы
Шуршат края широкой пелерины,
Мелькает облик девушки старинной,
Прелестный и пленяющий умы.

Широкая соломенная шляпа,
Две розы, шаль расшитая пестро
И Гектора протянутая лапа.

О, легкие созданья Генсборо,
Цвета луны и вянущей малины,
И поцелуй мечтательной Алины!

Видел сон я: как будто стою
В золотом и прохладном раю,
И похож этот рай и закат
На тенистый Таврический сад.
Только больше цветов и воды,
И висят золотые плоды
На ветвистых деревьях его,
И кругом—тишина, торжество.
Я проснулся и вспомнил тотчас
О морях, разделяющих нас,
О письме, что дойдет через год
Или вовсе к тебе не дойдет.
Отчего же в душе, отчего
Тишина, благодать, торжество?
Словно ты прилетала ко мне
В этом солнечном лиственном сне,
Словно ты прилетала сказать,
Что не долго уже ожидать.

Здесь волн Коцитовых холодный ропот глуше.
Клубится серая и пурпурная мгла.
В изнеможении, как жадные тела,
Сплелися грешников истерзанные души.

Лев медный одного когтистой лапой душил,
Змея узорная—другого обвила.
На свитке огненном—греховные дела
Начертаны... Но вдруг встревоженные уши

Все истомившиеся жадно напрягли!
За трубным звуком вслед—сиянья потекли,
Вмиг смолкли возгласы, проклятия, угрозы.

Раскрылася стена, и легкою стопой
Вошел в нее Христос в одежде золотой,
Влетели ангелы, разбрасывая розы.

Снег уже пожелтел и обтаял,
Обвалились ледяшки с крыльца.
Мне все кажется, что скоротаю
Здесь нехитрую жизнь до конца

В этом старом помещичьем доме,
Где скрипит под ногами паркет,
Где все вещи застыли в истоме
Одинаковых медленных лет.

В сердце милые тени воскресли,
Вспоминаю былые года,—
Так приятно в вольтеровском кресле
О былом повздыхать иногда

И, в окно тихим вечером глядя,
Видеть легкие сны на яву,
Не смущаясь сознанию, что ради
Мимолетной тоски—я живу.

Я не любим никем! Пустая осень.
Нагие ветки средь лимонной мглы,
А за киотом дряхлые колосья
Висят пропылены и тяжелы.

Я ненавижу полумглу сырую
Осенних чувств и бред гоню, как сон.
Я щеточкою ногти полирую
И слушаю старинный полифон.

Фальшивит нежно музыка глухая
О счастья несбыточных людей
У озера, где, вод не колыхая,
Скользят стада бездушных лебедей.

Какая-то мечтательная леди
Теперь глядит в широкое окно,
И локоны у ней желтее меди,
Румянами лицо оттенено,

Колеблется ее индийский веер.
Белеет мех—ангорская коза.
Устремлены задумчиво на север
Ее большие лживые глаза.

В окне—закат роняет пепел серый
На тополя, кустарники и мхи...
А я стою у двери, за портьерой,
Вдыхая старомодные духи...

З А С Т А В К А.

Венецианское зеркало старинное,
Разноцветными розами увитое...
Что за мальчик с улыбкою невинною
Расправляет крылышки глянцевитые

Перед ним? Нетрудно проказливого
Узнать Купидона милого,—
Это он ранил юношу опасливого,
Как ни плакал тот, как ни просил его.

Юноша лежит стрелою раненый,
Девушка напротив—улыбается.
Оба—любовью огуманены...
Розы над ними сгибаются.

Настанут холода,
Осыпятся листья—
И будет льдом — вода,
Любовь моя, а ты?

И белый, белый снег
Покроет гладь ручья,
И мир лишится нег...
А ты, любовь моя?

Но с милою весной
Снега растают вновь.
Вернутся свет и зной.
А ты, моя любовь?

В альбом Т. П. Карсавиной.

Пристальный взгляд балетомана,
Сцены зеленый полукруг,
В облаке светлого тумана
Плеч очертания и рук.

Скрипки и звучные волторны
Словно измучены борьбой,
Но золотистый и просторный
Купол, как небо над тобой.

Крылья невидимые веют,
Сердце уносится, дрожа,
Ввысь, где амуры розовеют,
Рог изобилия держа.

Моей тоски не превозмочь,
Не одолеть мечты упорной;
Уже медлительная ночь
Свой надвигает призрак черный,

Уже пустая шепчет высь
О часе горестном и близком.
И тени красные слились
Над солнечным кровавым диском.

И все несносней и больней
Мои томления и муки.
Схожу с гранитных ступеней,
К закату простираю руки.

Увы—безмолвен, как тоска,
Закат пылающий далече.
Ведь он и эти облака
Лишь мглы победные предтечи.

Склонились на клумбах тюльпаны,
Туманами воздух пропитан.
Мне кажется, будто бы спит он,
Истомой весеннею пьяный.

Луна, альмандинов кровавей,
Над садом медлительно всплыла
И матовый луч уронила
На тускло-мерцающий гравий.

Иду у реки осторожно...
Боюсь Водяного—утопит.
Томления кубок не допит,
Но больше мечтать невозможно...

На две части твердь раз'ята:
Лунный серп горит в одной,
А в другой костер заката
Рдеет красной купиной.

Месяц точит струи света,
Взятый звездами в полон.
Даль еще огнем одета.
Но уже серебрян лен.

И над белою молельной
Ночи грусть плывет тиха,
Льется музыкой свирельной
Неживого пастуха.

Скоро смолкнет шум неясный,
В тишине поля уснут...
И утонет месяц красный,
Не осилив звездных пут.¹

Заколдованы утром дома,
И безлюдье чарует меня,
И баюкает свежесть меня.
В небе—крылья морозного дня.

Одинокие люди идут,
Но все тихо, как будто их нет.
Никого, никого будто нет...
В вышине — бледно-розовый свет.

О Т Т Е П Е Л Ь.

Снегом наполнена урна фонтана,
Воды замерзшие больше не плачут.
Нимфа склонилась в тоске у бассейна,
С холодом зимним бороться не в силах.

Всплыло печальное, светлое солнце;
Белую землю стыдливо пригрело.
Вспомнила нимфа зеленые листья,
Летнее солнце в закатной порфире,

Брызги фонтана в прозрачности милой,
Лунную негу и вздохи влюбленных...
Слезы из глаз у нее полилися,
Тихо к подножью стекая.

Луна упала в бездну ночи,
Дремавший ветер окрылив,
И стал тревожней и короче—
Уже невидимый—прилив.

И мрака черная трясина
Меня об'яла тяжело.
И снова сердце без причины
В печаль холодную ушло.

Я ждал—повеют ароматы,
Я верил—вспыхнут янтари...
...И в полумгле зеленоватой
Зажегся тусклый нимб зари.

Бродят понуро
Фавны и нимфы
В чаще лесной.
Царство амура
Скрыли заимфы
Осени злой.

Рдяные сети
Листьев огнистых
Падают в лог.
Осени дети
Из аметистов
Вяжут венок.

Голые сучья
Дрогнут от хлада,
Клонятся вниз.
Тщетно кипучий
Сок винограда
Льет Дионис...

Месяц стал над белым костелом,
Старый сад шепнул мне: «Усни»...
Звезды вечера перед Божьим престолом
Засветили тихие огни.

И плывут кружевные туманы,
Белым флером все заволокли.
Я иду сквозь нежный сумрак, пьяный
Тонким дыханием земли.

Мной владеет странная истома,
Жаля душу, как прожитые дни.
Шелест сада грустно-знакомый
Неотступно шепчет: «Усни»...

Ночь светла и небо в ярких звездах.
Я совсем один в пустынном зале;
В нем пропитан и отравлен воздух
Ароматом вянущих азалий.

Я тоской неясною измучен
Обо всем, что быть уже не может.
Темный зал—о, как он сер и скучен!—
Шепчет мне, что лучший сон мой прожит.

Сколько тайн и нежных сказок помнят,
Никому поведать не умея,
Анфилады опустелых комнат
И портреты в старой галлерее.

Если б был их говор мне понятен!
Но, увы,—мечта моя бессильна.
Режут взор мой брызги лунных пятен
На портьере выцветшей и пыльной.

И былого нежная поэма
Молчаливей тайн иероглифа.
Все бесстрастно, сумрачно и немо.
О, мечты—бесплодный труд Сизифа!

Он—инок. Он—Божий. И буквы устава
Все мысли, все чувства, все сказки связали.
В душе его травы, осенние травы,
Печальные лики увядших азалий.

Он изредка грезит о днях, что уплыли.
Но грезит устало, уже не жалея,
Не видя сквозь золото ангельских крылий,
Как в танце любви замерла Саломея.

И стынет луна в бледно-синей эмали,
Немеют души умирающей струны...
А буквы устава все чувства связали,—
И блекнет он Божий, и вянет он юный.

Маскарад был давно, давно окончен,
Но в темном зале маски бродили,
Только их платья стали тоньше:
Точно из дыма, точно из пыли.

Когда на рассвете небо оплыло,
Они истаяли, они исчезли.
Осеннее солнце, взойдя, озарило
Бледную девочку, спящую в кресле.

Ах, небосклон светлее сердолика:
Прозрачен он и холоден и пуст.
Кровавится среди полей брусника,
Как алость мертвых уст.

Минорной музыкой звучат речные струи,
Скользят над влагой тени лебедей.
А осени немые поцелуи
Все чаще, все больней.

Вот—письмо. Я его распечатаю
И увижу холодные строки,
Непреветливые и далекие,
Как осенью статуи...

Разрываю конверт... Машинально
Синюю бумагу перелистываю.
Над озером заря аметистовая
Отцветает печально.

Тихая скорбь томительная
Душу колышет.
Никогда не услышит
Милого голоса обитель моя.

Осени пир к концу уж приходит:
Блекнут яркие краски.
Солнце за ткани тумана
Прячется чаще и редко блистает.

Я тоской жестокой изранен,
Сердце тонет в печали.
Нету со мною любимой.
Ах! не дожидаться мне радостной встречи.

Ропщет у ног прибой непокорный,
Камни серые моя,
Тщетно я лирные звуки
С злобной стихией смиренно сливаю.

Не укротить вспененной пучины,
С ветром спорить—бесцельно.
Страсти бесплодной волненья
В сердце моем никогда не утихнут.

Осени пир к концу уж приходит,
Сердце тонет в печали.
Слабые струны, порвитесь!
Падай на камни бессильная лира...

У О К Н А.

На портьер зеленый бархат
Луч луны упал косою.
Нес и ясен в вещих картах
Неизменный жребий мой:

Каждый вечер сна, как чуда,
Буду ждать я у окна.
Каждый день тебя я буду
Звать, ночная тишина.

Под луною призрак грозный
Окрыленного коня
Понесет в пыли морозной
Королевну и меня.

Но с зарей светло и гневно
Солнце ввысь метнет огонь,
И растает королевна,
И умчится белый конь.

Тосковать о лунном небе
Вновь я буду у окна,
Проклиная горький жребий
Неоконченного сна.

Луна взошла совсем как у Верлена:
Старинная в изысканном уборе
И синие лучи упали в море.

«Зачем тобой совершена измена»...
Рыдал певец, томясь в мишурном горе,
И сонная у скал шуршала пена.

РАННЯЯ ВЕСНА.

Зима все чаще делала промахи,
Незаметно растаяли снега и льды.
И вот уже радостно одеты сады
Пахучими цветами черемухи.

В зелени грустит мраморный купидон
О том, что у него каменная плоть.
Девушка к платью спешит приколоть
Полураспустившийся розовый бутон.

Ах, ранняя весна, как мила мне ты!
Какая неожиданная радость для глаз:
Проснувшись утром, увидеть тотчас
Залитые веселым солнцем цветы.

Однажды под Пасху мальчик
Родился на свете
Розовый и невинный,
Как все остальные дети.

Родители его были
Не бедны и не богаты,
Он учился, молился Богу,
Играл в снежки и солдаты.

Когда же подрос молодчик
Пригожий, румяный, удалый,
Стал он карманным воров,
Шуллером и вышибалой,

Полюбил водку и женщин,
Разучился Богу молиться,
Жил беззаботно, словно
Дерево или птица.

Сапоги Скороход, бриолином
Напомаженный, на руку скорый...
И в драке во время дележки
Его закололи воры.

В Калининскую больницу
Отправили тело,
А душа на серебряных крыльях
В рай улетела.

Никто не служил панихиды,
Никто не плакал о Ване,
Никто не знает, что стал он
Ангелом в Божьем стане.

Что ласкова с ним Божья мать,
Любит его Спаситель,
Что, быть может, твой, или мой он
Ангел хранитель.

II.

Вновь сыплет осень листьями сухими
На мерзлую землю.
Вновь я душой причастен светлой скиме
И осени внемлю.

Душа опять златой увита ложью,
И радостна мука.
Душа опять, стремясь по бездорожью,
Ждет трубного звука.

Вновь солнце Божие плывет, деля туманы,
К обманному раю.
Вновь солнце Божие мои открыло раны,
И я — умираю.

1.

О сердце, о сердце,
Измучилось ты!
Опять тебя тянет
В родные скиты.

Где ясны криницы
В столетнем бору,
Родимые птицы
Поют по утру.

Чернеют овраги,
Грустит синева...
На дряхлой бумаге
Святые слова.

Бедны и напрасны
Все песни мои.
Так ясны прекрасны
Святых житии.

Мне б синее утро
С молитвой встречать,
Спокойно и мудро
Работу начать.

И после отрады
Работы простой
Встречать у ограды
Закат золотой.

Здесь горько томиться,
Забиться невмочь;
Там — сладко молиться
В янтарную ночь.

Чтоб ветер ветвями
В окошко стучал,
Святыми словами
Душе отвечал;

Чтоб лучик зеленый
Дрожал на полу,
И сладко иконы
Мерцали в углу.

2.

Снова теплятся лампы
Ярче звезд у алтаря.
В сердце сладостной отрады
Занимается заря.

Много здесь убогих, грешных
Ниц опущенных очей,
Много в памяти кромешных
Неотмоленных ночей.

Дышим мы на ладан росный,
Помним вечно про погост,
День скоромный или постный
Вечно нам Великий Пост.

Но не даром бьем поклоны
Молим Бога чернецы:
Рай веселый, лог зеленый
Уж оставили гонцы.

Уж они коней торопят,
Тучам слушаться велят;
Все-то горести утопят,
Все-то муки исцелят.

3.

Я вывожу свои заставки.
Желанен сердцу милый труд,
Цветы пурпурные, а травки —
Как самый ясный изумруд.

Какое тихое веселье,
Как внятно краски говорят.
В окошко выбеленной кельи
Глядится тополь, милый брат.

Уж вечер. Солнце над рекою.
Пылят дорогою стада.
Я знаю — этому покою
Не измениться никогда.

Молитвы, книги, размышленья,
Да кисть в уверенной руке.
А горькое мое томленье —
Как горний облак вдалеке.

И сердце мудро ждет чего-то
Во имя, Господи, Твое.
Блеснет на ризах позолота,
И в монастырские ворота
Ударит Вестника копье.

Опять сияют масляной
Веселые огни.
И кажутся напраслиной
Нерадостные дни.

Как будто ночью северной
Нашла моя тоска
В снегу -- листочек клеверный
В четыре лепестка.

И с детства сердцу милая
Ты возникаешь вновь,
Такая непостылая
И ясная любовь.

Мороз немного колетя,
Костры дымят слегка,
И сердце сладко молится
Дыханью ветерка.

Отвага молодецкая
И сани, что стрела,
Мне масляная детская
И русская мила.

Чья? Ванина иль Машина
Отвага веселей
На тройке разукрашенной
Летит среди полей?

Трусит кобылка черная,
Несется крик с катков,
А полость вся узорная
От пестрых лоскутков.

Я весел не напраслиной, —
Сбываются же сны,
Веселый говор масляной —
Преддверие весны.

И в ней нам обещание,
Что Пасха вновь придет,
Что сбудутся все чаянья,
Растает крепкий лед.

И белой ночью северной
Найдет моя тоска
Любви листочек клеверный
В четыре лепестка.

Снова снег синее в поле
И не тает от лучей.
Снова сердце хочет воли,
Снова бьется горячей.

И горит мое оконце
Все в узоре льдистых роз.
Здравствуй, ветер, здравствуй, солнце,
И раздолье, и мороз!

Что ж тревожит и смущает,
Что ж томишься, сердце, ты?
Этот снег напоминает
Наши Волжские скиты.

Сосен ствол темно-зеленый,
Снеговые терема,
Потемневшие иконы
Византийского письма.

Там, свечою озаренный,
Позабуду боль свою.
Там в молитве потаенной
Всю тревогу изолью.

Но увы! Дорогой зимней
Для молитвы и труда
Не уйти мне, не уйти мне
В Приволожье никогда.

И мечты мои напрасны
О далеком и родном.
Ветер вольный, холод ясный,
Снег морозный,—за окном!

РОЖДЕСТВО В СКИТУ.

Ушла уже за ельники,
Светлее янтаря,
Морозного сочельника
Холодная заря.
Встречаем мы, отшельники,
Рождение Царя.

Белы снега привольные
Над мерзлую травой,
И руки богомольные
Со свечкой восковой.
С небесным звоном--дольные
Сливают голос свой.

О всех, кто в море плавает,
Сражается в бою,
О всех, кто лег со славою
За родину свою,—
Смиренно-величавую
Молитву пропою.

Пусть враг во тьме находится
И меч иступит свой,
А наше войско—водится
Господнею рукой.
Погибших, Богородица,
Спаси и упокой.

Победная и грозная
Да будет рать святая...
Поем—а небо звездное
Сияет—даль чиста.
Спокойна ночь морозная,—
Христова красота!

Мы пололи снег морозный,
Воск топили золотой,
И веселою гурьбой
Провожали вечер звездный.
 Пропустила я меж рук
 Шутки, песни подруг.
Я—одна. Свеча горит,
Полотенцем стол накрыт.

Ну, крещенское гаданье,
Ты гляди, не обмани!
Сердце, сердце, страх гони--
Ведь постыло ожиданье.

 Светлый месяц всплыл давно,
 Смотрит, ясный, в окно...
Серебрится санный путь...
Страшно в зеркало взглянуть!

Вдруг подкрадется, заглянет
Домовой из-за плеча!
Черный ворон, не крича,
Пролетит в ночном тумане...
 Черный ворон—знак худой.
 Страшно мне, молодой,- -
Не отмолишься потом,
Если суженый с хвостом!

Будь, что будет! Замирая,
Робко глянула в стекло.
В круглом зеркале— светло.
Вьется дымка золотая...

Сквозь лазоревый туман
Словно бьет барабан,
Да идут из-за леска
Со знаменами войска!

Вот он, вот он, долгожданный!
Машет суженый рукой,
Ну и молодец какой,
Черноусый, да румяный,
Белый крестик на груди...
Милый, шибче иди!

Я ждала тебя давно,
Заживем, как суждено!

Простодушные березки
У синеющей воды,
На песке, как в желтом воске,
Отпечатаны следы.

Тянет хлебом и махоркой
Недалеко от жилья,
Плавной поступью с пригорка
Сходит милая моя.

Платье пестрое из ситца,
Туго косы сплетены.
Сердце—сердца не боится
В дни веселые весны.

Больно хлещется кустарник,
Запыхались—отдохнем,
Солнце светит, все янтарней,
Умирающим огнем.

Укрепился в благостной вере я,
Схима святая близка.
Райские сини преддверия,
Быстрые бегут облака.
Я прощаюсь с былью любимой,
Покидаю мой милый мир,
Чтоб одеться солнечной схимою.
В дальний путь иду наг и сир.
В сердце розы Христовы рдяные,
Цепь моя не тяжка,
Ухожу в зоревые туманы я—
Участь иная близка.

Пьяные мастеровые
Едут в лодке без весла.
Я цветочки полевые
Нарвала—да заплела.

Самый синенький цветочек
Словно милого глаза.
В воду бросила веночек,
Высыхай, моя слеза!

Пусть плывет себе, как знает...
Гаснет вечер голубой.
О другой мой друг вздыхает,
Горько плачет о другой.

Вот дымятся трубы фабрик,
Где-то паровоз ревет
И веночек мой, как кораблик,
Прямо к берегу плывет.

III.

Кофейник, сахарница, блюдца,
Пять чашек с узкою каймой
На голубом подносе жмутся,
И внятн их рассказ немой:

Сначала тоненькою кистью
Искусный мастер от руки,
Чтобы фон казался золотистой,
Чернил кармином завитки.

И щеки пухлые румянил,
Ресницы наводил слегка
Амуру, что стрелою ранил
Испуганного пастушка.

И вот уже омыты чашки
Горячей, черною струей.
За кофеем играет в шашки
Сановник важный и седой.

Иль дама, улыбаясь тонко,
Жеманно потчует друзей,
Меж тем как умная болонка
На задних лапках служит ей.

И столько рук и губ касалось,
Причудливые чашки, вас,
Над живописью улыбалось
Изысканною — столько глаз.

И всех, и всех давно забытых
Взяла безмолвная страна,
И даже на могильных плитах,
Пожалуй, стерты имена.

А на кофейнике пастушки
Попрежнему плетут венки;
Пасутся овцы на опушке,
Нырют в небо голубки.

Пастух не изменяет позы,
И заплели со всех сторон
Неувядающие розы
Антуанеты медальон.

Беспокойно сегодня мое одиночество—
У портрета стою—и томит тишина...
Мой прапрадед Василий—не вспомню я отчества—
Как живой, прямо в душу—глядит с полотна.

Темносиний камзол отставного военного,
Арапченок у ног и турецкий кальян.
В закорузлой руке—серебристого пенного
Круглый ковш. Только видно помещик не пьян.

Хмурит брови седые над взорами карими,
Опустились морщины у темного рта.
Эта грудь, уцелев под столькими ударами
Неприятельских шашек,—-тоской налита.

Что ж? На старости лет с сыновьями не справиться
Иль плечам тяжелы прожитые года,
Иль до смерти мила крепостная красавица,
Что завистник-сосед не продаст никогда?

Нет иное томит. Как сквозь полог затученный
Прорезается белое пламя луны,—
Тихий призрак встает в подземельи замученной
Неповинной страдальицы—первой жены.

Не избыть этой муки в разгуле неистовом,
Не залить угрызения влагой хмельной...
Запершись в кабинете,—покончил бы выстрелом
С невеселую жизнью,—да в небе темно.

И теперь, заклеяменный семейным преданием,
Как живой, как живой, он глядит с полотна,
Точно нету прощенья его злодеяниям,
И загробная жизнь, как земная,—черна.

Чем больше дней за старыми плечами,
Тем настоящее отходит дальше:
За жизнью ослабевшими очами
Не уследить старухе-генеральше.

Да и зачем? Не более ли пышно
Прошедшее?—Там двор Екатерины,
Сменяются мгновенно и неслышно
Его великолепные картины.

Усталый ум привык к заветным цифрам,
Былых годов воспоминанья нижет,
И фрейлинским украшенная шифром
Спокойно грудь, покашливая, дышит.

Так старость нетревожимая длится —
Зимою в спальне, —летом на террасе...
...По вечерам—сама Императрица,
В регалиях и в шепчущем атласе,

Является старухе-генеральше,
Беседует и милостиво шутит...
А дни летят, минувшее—все дальше,
И скоро ангел спящую разбудит.

Зеленый фон—немного мутный
Кирпично-серый колорит.
Читая в комнате уютной,
Старик мечтательный сидит.

Бюст Цезаря. Огонь в камине.
И пес, зевающий у ног.
И старомодный, темно-синий
Шелками вышитый шлафрок.

Пуская кольца, трубку курит,
А в желтой чашке стынет чай,
Поправит плед и глаз прищурит
И улыбнется невзначай.

Ничто покоя не тревожит,
А глянут месяца рога,
О раннем ужине доложит
С седыми баками слуга.

Кто этот старый русский барин
И книгу он читает чью?
За окнами закат янтарен,
Деревья клонятся к ручью

И снег, от времени поблеклый,
Желтеет там, и сельский вид
Сквозь нарисованные стекла
В вечернем золоте глядит.

Она застыла в томной позе
Непринужденна и легка.
Нежна улыбка. К чайной розе
Простерта тонкая рука.

Глядит: вдали фонтан дробится,
Звуча как лепет райских арф.
По ветру облаком клубится
Ее зеленоватый шарф.

А дальше, зеркалом серея,
Овальный отражает пруд,
Как мальчик с хлыстиком, в ливрее
И белый понни-—знака ждут.

Уже нетерпеливый понни
Копытом роет у межи,
И вздрагивают на попоне
Инициалы госпожи.

Но та, как будто все забыла,
Непринужденна и легка,
Облокотившись о перила,
Рассматривает облака.

Когда луны неверным светом
Обрызган Павловский мундир,
Люблю перед твоим портретом
Стоять, суровый бригадир.

Нахмурил ты седые брови
И рукоятку шпаги сжал.
Да, взгляд такой на поле крови
Одну отвагу отражал.

И грудь под вражеским ударом
Была упорна и сильна,
На ней красуются не даром
Пяти кампаний ордена.

Простой, суровый и упрямый
Ты мудро прожил жизнь свою.
И я пред потускневшей рамой
Как очарованный стою,

И сердцу прошлое желанней.
А месяц нижет жемчуга
На ордена пяти кампаний
И голубые обшлага.

В широких окнах сельский вид,
У синих стен простые кресла,
И пол некрашенный скрипит,
И радость тихая воскресла.

Вновь одиночество со мной...
Поэзии раскрылись соты,
Пленяют милой стариной
Потертой кожи переплеты.

Шагаю тихо взад, вперед,
Гляжу на светлый луч заката.
Мне улыбается Эрот
С фарфорового циферблата.

Струится сумрак голубой
И наступает вечер длинный;
Тускнеет Наварринский бой
На литографии старинной.

Легки оковы бытия...
Так, не томясь и не скучая,
Всю жизнь свою провел бы я
За Пушкиным и чашкой чая.

ОТРЫВОК.

Когда весенняя прохлада
Неиз'яснима и нежна
И веет сыростью из сада
И подымается луна,
А луч зари горит прощальный
И отцветает на окне,
Так сладко сердцу и печально
Грустить о милой старине.

Мой дряхлый дом молчит угрюмо.
В просторных комнатах темно,
Какая тишина! Лишь шумы
Ветвей доносятся в окно.
Да звонко псы сторожевые
Порой вдали подымут лай,
Шуршите, липы вековые,
Заря, пылая, догорай!

Мне сладок этот вечер длинный,
Светло-зеленый блеск луны,
Всплывают в памяти картины
Невозвратной старины.
Нет! То не зыбко задрожала
В высоком зеркале луна;
Екатерининская зала
Тенями прошлого полна.

Звучит клавир, как дальний шорох,
Мерцают тускло шандалы.
О, бал теней! Печаль во взорах,
И щеки девичьи белы.
Жеманно пары приседают,
Танцуя легкий минуэт,
И в отдаленьи пропадают,
И новые скользят им вслед.

А с темных стен глядят портреты:
Старухи с вышивкой в руках,
Кутилы, томные поэты
И дамы в пышных париках.
Окаменелые улыбки
Сменяет лунная игра,
И навевают сумрак зыбкий
Из белых перьев веера...

.

*За нежный поцелуй ты
требуешь сонета...
В. Жуковский.*

АЛЬБОМНЫЙ СОНЕТ.

Как некогда потребовала Лида
В обмен на нежный поцелуй—сонет,
Так и моя сказала Маша: «Нет!»
И девы той желанье повторила.

Напрасно говорил я ей: «Мой свет,
Капризами меня ты истомила,
Я напишу беспламенно, уныло
Не то, что романтический поэт».

Но спорить как с девицей своенравной?
Изволь влагать пустую болтовню
В сонетный ямб, торжественный и славный.
Кончаю труд. Хоть мало в нем огню,
Недостает и прелести и яда,
Но все ж моя приятная награда!

IV.

ВИДЕНИЯ В ЛЕТНЕМ САДУ.

Хотя и был ты назван «Летний»,
Но, облетевший и немой, —
Вдвойне ты осенью заметней,
Вдвойне пленяешь разум мой.

• Когда кормой разбитой лодки
Ныряет в облаке луна, —
Люблю узор твоей решетки,
Гранита блеск и чугуна.

Вдали продребезжат трамваи,
Автомобили пролетят
И, постепенно оживая,
Былое посещает сад.

Своей дубинкой суковатой
Стуча, проходит Петр, и вслед
В туманной мгле зеленоватой
С придворными—Елисавет...

Скользят монархи цепью чинной,
Знамена всют и орлы,
И рокот музыки старинной
Распространяется среди мглы.

Оружья отблеск... Во взорах
Огни... Гвардейцев кивера...
И, словно отдаленный шорох,
По саду носится «ура».

Но вот аврора золотая
Растет и гасит фонари,
И призраки бледнеют, тая,
В холодном мареве зари.

Загадочен стоит и пышен
Огромный опустелый сад,
И не понять — то шорох слышен
Знамен, иль ветки шелестят.

Опять на площади Дворцовой
Блестит колонна серебром.
На гулкой мостовой торцовой
Морозный иней лег ковром.

Несутся сани за санями,
От лошадей клубится пар,
Под торопливыми шагами
Звенит намерзший тротуар.

Беспечный смех... Живые лица...
Костров веселые огни, —
Прекрасна Невская столица
В такие солнечные дни.

Идешь и полной грудью дышишь,
Спускаешься к Неве на лед
И ветра над собою слышишь
Широкий солнечный полет.

И сердце радостью трепещет,
И жизнь по новому светла,
А в бледном небе ясно блещет
Адмиралтейская игла.

Столица спит. трамваи не звенят
И пахнет воздух ночью и весной.
Адмиралтейства белый циферблат
На бледном небе кажется луною.

Лишь изредка по гулкой мостовой
Протопают веселые копыта,
И снова тишь, как будто над Невой
Прекрасная столица позабыта.

И навсегда сменилась тишиной
Жизнь буйная и шумная когда-то
Под тусклою недвижною луною
Мерцающего сонно циферблата.

Но отсветы стального багреца
Уже растут, пронзая дым зеленый
Над статуями Зимнего Дворца
И стройной Александровской колонной.

Неясный шум, фабричные гудки
Спокойствие сменяют постепенно,
На серых волнах царственной реки
Все розовой серебряная пена.

Смотри — бежит и исчезает мгла
Под солнечною светлой колесницей,
И снова жизнь, шумна и весела,
Овладевает Невскою столицей.

К ПАМЯТНИКУ.

У моста над рекою плавной,
Под электрическим лучом,
Стоит один из стаи славной
С высоко поднятым мечом.

Широкий плащ с плеча спадает--
Его не сбросит ветер сырой—
Живая память увядает,
И забывается герой.

Гудок мотора, звон трамвая...
Но взор поэта ищет звезд,
Передо мной во мгле всплывает
Провалы Альп и Чортов мост.

И ухо слышит клики те же,
Что слышал ты, ведя на бой,
И гений славы лавром свежим
Венчает дряхлый кивер твой!..

П А В Л О В С К.

Французский говор. Блеск эгреток
И колыхание эспри.
На желтый гравий из-за веток
Скользит румяный луч зари.

Несется музыка с вокзала,
Пучинни буйная волна.
Гуляют пары. Всех связала
Сетями осень, как весна.

О, ожиданье на перроне,
Где суета и толкотня!
Ах, можно ль быть еще влюбленней
Эллен, Вы любите-ль меня?

Но лампы слишком яркие,
И слишком музыка шумна,
Зато в величественном парке
И полумрак, и тишина.

Ведут туманные аллеи
Все дальше, дальше вниз к реке,
Где голубеют мавзолеи
И изваянья вдалеке.

Мечтанья ветер навсвает,
Слабнет музыки волна,
Меж веток медленно всплывает
И улыбается луна.

Она всплывает, точно грецкий
Янтарно-розовый орех.
В беседке слышится турецкой
Веселый говор, легкий смех.

Грозят амуры в позах томных,
Светлеет лунная стезя,
И от лучей ее нескромных
Влюбленным спрятаться нельзя.

Веселый ветер гонит лед,
А ночь весенняя — бледна,
Всю ночь стоять бы напролет
У озаренного окна.

Глядеть на волны и гранит
И слышать этот смутный гром
И видеть небо, что сквозит
То синевой, то серебром.

О сердце, бейся волнам в лад,
Тревогой вешнею гори...
Луны серебряный закат
Сменяют отблески зари.

Летят и тают тени птиц
За крепость — в сумрак заревой,
И все светлее тонкий шпиц
Над дымно-розовой Невой.

Стучат далекие копыта,
Ночные небеса мертвы,
Седого мрамора сердито
Застыли у под'езда львы,
Луны отвесное сиянье
Играет в окнах тяжело,
И на фронте изваянья
Белеют груди, меч, крыло...
Но, что за свет блеснул за ставней,
Чей сдавленный пронесся стон?
Огонь мелькнул поочередно
В широких окнах, как свеча.
Вальс оборвался старомодный,
Неиз'яснимо прозвучав.
И снова ничего не слышно —
Ночные небеса мертвы.
Покой торжественный и пышный
Хранят изваянные львы.
Но сердце тонет в сладком хладе,
Но бледен серп над головой,
И хочется бежать, не глядя,
По озаренной мостовой.

Китайские драконы над Невой
Раскрыли пасти в ярости безвредной.
Вы, слышавшие грохот пушек медный
И поражаемых боксеров вой.

Но, говорят, что полночью, зимой,
Вы просыпаетесь в миг заповедный.
То чудо узревший — отпрянет, бледный,
И падает с разбитой головой.

А по утру, когда румянцем скупю
Рассвет Неву стальную озарит,
На плитах стынущих не видно трупа.

Лишь кровь на каменных зубах горит,
Да в хищной лапе с яростью бесцельной
Один из вас сжимает крест нательный.

v.

Мне тело греет шкура тигровая,
Мне светит нежности звезда.
Я, гимны томные наигрывая,
Пасу мечтательно стада.

Когда Диана станет матовою
И сумрак утренне-глубок,
Мечтою бережно разматываю
Воспоминания клубок.

Иду тогда тропинкой узенькою
К реке, где шепчут тростники,
И очарован сладкой музыкою
Плету любовные венки.

И, засыпая, вижу пламенные
Сверканья гаснущей зари...
В пруды, платанами обраменные,
Луна роняет янтари.

И чьи-то губы целомудренные
Меня волнуют слаще роз...
И чьи-то волосы напудренные
Моих касаются волос...

Проснусь—в росе вся шкура тигровая,
Шуршит тростник, мычат стада...
И снова гимны я наигрываю
Тебе, тебе, моя звезда!

Р О М А Н С.

Амур мне играет песни,
Стрелой ранит грудь —
Сегодня я интересней,
Чем когда-нибудь!..

Стыдливые румяна
Зажгла на щеках любовь...
Мне право как-то странно
Ее услышать вновь...

Под музыку я танцую
На берегу реки,
В холодные струи
Бросаю свои венки...

Монаха и святотатца
Я всех теперь обниму, —
Готова отдаться
Все равно кому!

Звучат любовные песни,
Глаза застилает муть...
Сегодня я интересней,
Чем когда-нибудь!..

«Люблю»,—сказал поэт Темире,
Она ответила—«И я».

Гремя на сладко-струнной лире,
«Люблю»,—сказал поэт Темире...

И все они забыли в мире

Под сенью дуба у ручья.

«Люблю»,—сказал поэт Темире,
Она ответила—«И я».

Г А З Е Л Л Ы.

1.

Если ты промолвишь: «нет»—разлюблю,
Не капризничай, поэт,—разлюблю.

Нынче май, но если ты убежишь,
Я и розы нежный цвет разлюблю.

Ах, несноснее тебя можно ль быть,—
Слушать просто, как привет: «разлюблю».

Иль хочешь полюбить стариком?
Полно, милый, будешь сед—разлюблю.

Надоело мне твердить без конца,
Вместо сладостных бесед, «разлюблю»?

На закате лучше ты приходи:
Не услышит лунный свет—«разлюблю».

2.

Ах, угадать не в силах я, чего хочу,
От розы, рощи, соловья—чего хочу.

Зачем без радости весну встречает взор,
Вопрос единый затая: чего хочу?

Имею ласковую мать, отец не строг,
И все мне делает семья, чего хочу.

Но ах, не в силах я избыть тоски своей—
Неутолимы остря: «чего хочу».

Забыты мною в цель стрельбы, веселый мяч—
Не скажут верные друзья, чего хочу.

Так я томился, но амур, спаситель мой,
Дала мне знать стрела твоя, чего хочу.

И нынче с милою спеша укрыться в лес,
Уже отлично знаю я, чего хочу.

3.

Скакал я на своем коне к тебе, о любовь.
Душа стремилась в сладком сне к тебе, о любовь.

Я слышал смутно лязг мечей и пение стрел,
Летя от осени к весне, к тебе, о любовь.

За Фебом рдяно-золотым я несся во след,
Он плыл на огненном руне к тебе, о любовь.

И в ночь я не слезал с коня, узды не кидал,
Спеша, доверившись луне, к тебе, о любовь.

Врагами тайно окружен, изранен я был,
Но все стремился к вышине, к тебе, о любовь.

Истекши кровью, я упал на розовый снег...
Лечу, лечу, казалось мне, к тебе, о любовь.

БОЛТОВНЯ ЗАЗЫВАЮЩЕГО В БАЛАГАН.

Да, размалевана пестро
Театра нашего афиша:
Гитара, шляпа, болеро,
Девушка на летучей мыши.
Повесить надобно повыше,
Не то—зеваки оборвут.
Спешите к нам. Под этой крышей
Любовь, веселье и уют!

Вот я ломака, я Пьеро.
Со мною Арлекин. Он пышет
Страстями, клянчит серебро.
Вот принц, чей плащ узорно вышит,
Вот Коломбина, что не дышит,
Когда любовники уснут.
Паяц—он вздохами колышет
Любовь, веселье и уют!

Пляши, фиглярское перо,
Неситесь в пламенном матчише
Все те, кто хочет жить пестро:
Вакханка, негры, принцы, мыши,
Порой быстрее, порою тише,
Вчера в Париже, нынче тут...
Всего на этом свете выше
Любовь, веселье и уют!

П о с ы л к а.

О, кот, блуждающий по крыше,
Твои мечты во мне поют!
Кричи за мной, чтоб всякий слышал:
Любовь, веселье и уют!

Ф И Г Л Я Р.

Я храбрые марши играю,
Скачу на картонном коне.
И, если я умираю,
Все звонко хлопают мне.

Мои представленья не плохи,
Понравятся, коль поглядишь:
Ученые прыгают блохи,
Танцует умная мышь.

А то, если милые гости
Хотят, мы в дальнем углу
Отыщем ржавые гвозди,
Особенную пилу.

Приятно тела восковые
Гвоздем раскаленным колоть:
Трепещут они, как живые,
Нежны, как живая плоть.

Я сердце когда-то измучил,
И стало негодным оно,
А пытки для глупых чучел
Выдумывать—так смешно.

Я детские песни играю,
В карманах ношу леденцы
И, если я умираю,
Звенят мои бубенцы.

Прохладно... До-ре-ми-фа-соль
Летит в раскрытое окно.
Какая грусть, какая боль!
А впрочем, это все равно!

Любовь до гроба, вот недуг,
Страшнее чем зубная боль.
Тебе, непостоянный друг,
Тяну я до-ре-ми-фа-соль.

Ты королева, я твой паж,
Все это было, о юдоль!
Ты приходила в мой шалаш
И пела до-ре-ми-фа-соль.

Что делать, если яд в крови,
В мозгу смятенье слезы – соль,
А ты заткнула уши и
Не слышишь... до-ре-ми-фа-соль.

БРОДЯЧИЕ АКТЕРЫ.

Снова солнечное пламя
Льется знойным янтарем.
Нагруженные узлами
Снова мы подошвы трем.

Придорожная таверна
Уж далеко за спиной.
Небо медленно, но верно,
Увеличивает зной.

Ах, бессилен каждый мускул,
В горле—словно острия.
Потемнела, как зулуска,
Берта, спутница моя.

Но теперь уже недолго
Жариться в огне небес:
Встречный ветер пахнет елкой,
Недалеко виден лес.

Вот пришли.— Скорей падай
Узел мой, с усталых плеч.
Осененному прохладой
Сладко путнику прилечь.

Распаковывает Берта
Тюк с едою и вином.
Край лилового конверта
Я целую за стволом.

О Т Р Ы В О К.

Я помню своды низкого подвала,
Расчерченные углем и огнем.
Все четверо сходились мы, бывало,
Там посидеть, болтая, за вином.
И зеркало большое отражало
Нас, круглый стол и лампу над столом.

Один все пил, нисколько не пьянея,
Он был навязчивый и злой нахал.
Другой веселый, а глаза—синее
Волны, что ветерок не колыхал.
Умершего я помню всех яснее—
Он красил губы, кашлял и вздыхал.

Шел разговор о картах или скачках,
Обыкновенно. Грубые мечты
О драках, о старушечьих подачках
Высказывал поэт. Разинув рты,
Мы слушали, когда лицо испачкав
Белилами и краской--пела ты;

Под кастаньеты после танцовала,
Кося и странно поджимая рот.
А из угла насмешливо и вяло
Следил за нами и тобой урод—
Твой муж. Когда меня ты целовала,
Я видел, как рука его берет

Нож со стола... Он, впрочем, был приучен
Тобою ко всему и не дурил.
Шептал порой, но шопот был беззвучен,
И лишь в кольце поблескивал берилл,
Как злобный глаз. Да,---он тебя не мучил
И дерзостей гостям не говорил.

Так ночь последняя пришла. Прекрасна
Особенно была ты. Как кристалл
Жизнь полумертвецу казалась ясной,
И он, развеселившись, хохотал,
Когда огромный негр в хламиде красной
Пред нами изумленными предстал.

О, взмах хлыста! Метнулись морды волчьи.
Я не забуду взоры горбуна,
Счастливого. Бестрепетная, молча,
Упала на колени ты, бледна.
Погасло электричество, и желчью
Все захлеснула желтая луна...

Над озером тумана
Лиловая гряда,
Среди ветвей каштана
Блестящая звезда.

Стройны Вы, как тростинка,
Люблю, Мария, Вас.
Но падает слезинка
На кофточки атлас.

И ручки вертят зонтик
И комкают платок...
Луна на горизонте,
Окрасила восток.

Ужели, о Мария,
Слова мои мертвы?
Проплачу до зари я,
Когда уйдете Вы.

Осталось нам немного
Прогулок под луной,
Так будьте ради Бога
Поласковой со мной!

Но дева непреклонна...
И тщетно меж ветвей
Тоскливо и влюбленно
Вздыхает соловей.

Так скрою же страданье
Обманутой души:
— К другому на свиданье,
Неверная, спеши.

Путешествующие гимнасты.

Мы—веселые гимнасты
И бродяги мы притом,
Путешествуем мы часто
С отощавшим животом.

Но хотя тревожит голод
Не на шутку иногда --
Всякий весел, всякий молод:
Водка есть у нас всегда.

По дорогам безопасным
Путешествуем втроем,
Деревням и селам разным
Представления даем.

— Заходите! В нашем цирке
Много встретите забав:
Дядя Джэк ломает кирки,
Свой показывает нрав.

Рыжекудрая Елена,
Наша общая жена,
Пляшет. Юбка до колена,
Вовсе грудь обнажена.

Я в кольчуге и с рапирой
Нападаю на быка.
Смело гирями жонглирую,
Загорелая рука!

Взваливая их на шею,
подавляю тяжкий вздох,
Хоть они не тяжелее
Фунтов трех иль четырех...

А потом--сидим до ночи
В деревенском кабаке,
Потому что всякий хочет
Отдышаться налегке.

Завтра—старая повозка
Наша снова заскрипит,
Мул пятнистый—Джека тезка —
Недовольно засопит.

И веселые гимнасты—
Поплетемся мы опять
В деревнях и селах частых
Представления давать.

ПЕСНЯ О ПИРАТЕ ОЛЕ.

Кто отплыл ночью в море
С грузом золота и жемчугов
И стоит теперь на якоре
У пустынных берегов?

Это тот, кого несчастье
Помянуть три раза вряд.
Это Оле—властитель моря,
Это Оле—пират.

Царь вселенной рдяно-алый
Зажег тверди и моря.
К отплытью грянули сигналы,
И поднялись якоря.

На высоких мачтах зоркие
Неподкупные дозорные,
Бриг блестит, как золото,
Паруса надулись черные.

Солнце ниже, солнце низится,
Солнце низится усталое;
Опустилось в воду сонную
И темнеют дали алые.

Налетели ветры,
Затянуло небо тучами...
Буря близится. У берега
Брошен якорь между кручами.

Вихри, вихри засвистали,
Судно—кинули на скалы;
Громы—ужас заглушали,
С треском палуба пылала.

Каждой ночью бриг несется
На огни маячных башен;
На носу стоит сам Оле—
Окровавлен и страшен.

И дозорные скелеты
Качаются на мачтах.
Но лишь в небе встанут зори,
Призрак брига тонет в море.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

	Стр.
* Из белого	7
* Тонким льдом	8
* Когда светла	9
* Цвета луны	10
* Вновь с тобою	11
* Прощай, прощай	12
* Улыбка одна и та же	13
* Благословенная прохлада	14
* Неправильный круг	15
* Черные вишни	16
* Прошло туманное	17
* Я в жаркий полдень	18
* Над морем	19
* Зефир ночной	20
* Сквозь зеленеющие	21
* Италия	22
* Еще горячих губ	23
* Я вспоминаю	24
* Видел сон я	25
* Здесь волн	26

	Стр.
* Снег уже	27
Я не любим никем	28
Какая-то мечтательная леди	29
Заставка	30
Настанут холода	31
* Т. Карсавиной	32
Моей тоски	33
Склонились	34
На две части	35
Заколдованы утром дома	36
Оттепель	37
Луна упала	38
Бродят понуро	39
Месяц стал	40
Ночь светла	41
Он — инок	42
Маскарад был	43
Ах, небосклон	44
Вот письмо	45
Осени пир	46
У окна	47
Луна взошла	48
Ранняя весна	49
* Однажды под пасху	50

II.

Вновь сыплет	55
* О сердце, о сердце	56
* Снова теплятся	58

	(стр.)
* Я вывожу	59
* Опять сияют масляной	60
* Снова снег	62
Рожество в скиту	64
Мы пололи снег	66
* Простодушные березки	68
* Укрепился в благостной вере я	69
* Пьяные мастеровые	70

III.

Кофейник, сахарница, блюда	73
Беспокойно сегодня	75
* Чем больше дней	77
* Зеленый фон	78
* Она застыла	79
* Когда луны	80
* В широких окнах	81
* Отрывок	82
Альбомный сонет	84

IV.

Видения в Летнем саду	87
Опять на площади Дворцовой	89
Столица спит	90
К памятнику	91
* Павловск	92
Веселый ветер	94
Стучат далекие копыта	95
Китайские драконы	96

V.

	Стр.
Мне тело	99
Романс	101
Люблю	102
Газеллы:	
1	103
2	104
3	105
Болтовня зазывающего в балаган	106
Фигляр	108
* Прохладно	109
Бродячие актеры	110
Отрывок	111
* Над озером	113
Путешествующие гимнасты	115
Песнь о пирате Оле	117

.....

Стихотворения, отмеченные *, печатаются
отдельным изданием впервые.

Того же автора:

«Вереск». Вторая книга стихов. Изд. «Альциона», М. 1916 г. (распродана). Изд. 2-е печатается.

«Сады». Третья книга стихов. Изд. «Petropolis». Обложка М. Добужинского. П. 1921 г.

Центральное Кооперативное Издательство

„МЫСЛЬ“

Ковенский, 11.

Новые издания:

М. Лозинский. — «Горный ключ».

Ирина Одоевцева. — «Двор чудес».

Н. Гумилев. — «Мик», африканская поэма.

Ею же. — «Фарфоровый павильон», китайские стихи.

Вл. Ходасевич. — «Путем зерна».

Ю. Верховский. — «Солнце в заточении».

Альманах — «Мысль» — при участии А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Зайцева, Е. Замятина и др.